

— Кась!

Раздался тихий щелчок. Деревянная дверь плавно приоткрылась от толчка стройной руки. Другая рука А Ци была заведена за спину — мотыга, которую он носил с собой, давно куда-то подевалась.

— Братец А Ци, ты вернулся?

Радостный, звонкий голос нисколько не скрывал чувств своего хозяина. Мужчина, а точнее, еще совсем мальчик, сидевший на ступеньках перед главным домом и клевавший носом, с чистой улыбкой бросился навстречу.

Белоснежные, изящные, словно молодые побеги лука-порея пальцы любовно обвились вокруг крепкой, сильной руки А Ци:

— Братец, ты сегодня так поздно вернулся, неужели забыл про Цзюньцзюнь? Ты даже не представляешь, я тут чуть не заснул в ожидании...

Надув ярко-красные губки, Цзюньцзюнь капризно сморщил личико, точно настоящий ребенок, не ведающий забот этого мира.

Уголки губ А Ци тронула едва заметная улыбка. Его рука легко, словно упавшее пёрышко, скользнула по плечу Цзюньцзюня, заставив того от неожиданности втянуть голову в плечи:

— Хи-хи, щекотно! Братец опять дразнится!

Его изящный носик чуть забавно сморщился, придавая и без того чарующему лицу выражение легкой, детской обиды.

— Цзюньцзюнь и вправду все это время ждал брата?

А Ци ущипнул Цзюньцзюня за нос, задав этот вопрос так небрежно, насколько это было возможно, но руку из-за спины так и не достал.

— Конечно! Плохой братец, ты появился так поздно, из-за тебя Цзюньцзюнь остался без обеда, у меня в животике так урчит...

Изящные пальчики загладили живот, головка чуть склонилась, и водопад густых, словно туча, волос рассыпался по плечам, образуя черные волнистые хребты на крутом, манящем изгибе бедер.

Ослепительная красота, безупречная фигура — в былые дни А Ци уже давно бы потерял рассудок от животной страсти и набросился на него. Но сейчас, глядя на полные влаги глаза перед собой, он лишь чуть шире растянул губы в улыбке.

— Хрясь!

Тихий звук отрезал солнечный свет снаружи. Тяжелая резная деревянная дверь закрылась наглухо, заставив Цзюньцзюня невольно вздрогнуть всем телом.

— Братец, зачем ты закрываешь дверь? Хочешь поиграть с Цзюньцзюнем в какую-то игру? Цзюньцзюнь хочет кушать, я хочу кушать!

Прежде манящий и мягкий голос сейчас, из-за детской наивности слов, приобрел звенящие, пронзительные нотки, режущие слух.

Мужчина в одной нижней сорочке прижался пятью тонкими пальцами к деревянной створке, пытаясь ее толкнуть, но его руку намертво перехватила чужая мощная ладонь.

— Цзюньцзюнь, ты разве не устал?

Хотя А Ци обладал стройной и красивой фигурой, он вел себя как пятилетний ребенок. Глядя на испуганное, растерянное лицо Цзюньцзюня, он усмехнулся с едким сарказмом. Его рука, всё это время скрытая за спиной, медленно, миллиметр за миллиметром, появилась на свет: пестрая, яркая бабочка своими переливами окрасила даже черноту в глазах Цзюньцзюня в ослепительные психоделические цвета.

— Ой? Какая красивая бабочка! Братец, это мне?

Тело Цзюньцзюня на секунду оцепенело. Его любимые пунцовые губы растянулись в лучезарной улыбке, а подернутые рябью глазки изогнулись манящими полумесяцами. Нежные пальчики сами собой потянулись к бабочке.

Однако бабочка в руке А Ци упала на землю чуточку раньше, и кончики пальцев Цзюньцзюня коснулись ледяной, словно окоченевшей руки А Ци.

— Братец, у тебя такие холодные руки...

Рука Цзюньцзюня, коснувшись А Ци, безвольно опала вниз, и он испуганно съежился, словно его ужалил ядовитый скорпион.

— Хрусь, хрусь!

Звук ломающихся костей. Тонкое запястье в железной хватке А Ци издало неприятный, скрипучий скрежет. По бледному лицу Цзюньцзюня покатались крупные капли пота:

— Братец, больно, Цзюньцзюню очень больно... Цзюньцзюнь сделал что-то не так? Мне не нужна эта большая бабочка, не нужна, не надо...

Сбивчивые мольбы звучали сквозь слезы и всхлипывания — от них дрогнуло бы даже самое черствое сердце. Но лицо А Ци, холодное и жесткое, будто высеченное из нефрита, не выражало ни малейшего намека на жалость.

— Цзюньцзюнь?

Холодно переспросил он. Сквозь затуманенные слезами глаза Цзюньцзюнь увидел, как А Ци опустил ногу и тяжело наступил на раскрашенные разноцветные крылья бумажного змея.

Надавив сильнее, он заставил каркас бабочки хрустеть по кусочкам. Рисовая бумага с узорами превратилась в грязь. Прекрасная, яркая большая бабочка в мгновение ока превратилась в увечную, лишенную крыльев калеку, жалко распростертую в пыли.

— Как по-твоему, какая бабочка красивее: без крыльев или с крыльями?

Слегка склонив голову, А Ци смотрел на него зловещей, словно высеченной из камня улыбкой, и этот взгляд полностью отразился в глазах Цзюньцзюня.

Цзюньцзюнь, до этого безуспешно бившийся в его руках, внезапно замер, прекратив пустые попытки вырваться. Он смотрел на лежащую на земле сломанную, еще мгновение назад ослепительную бабочку, и в уголках его глаз сорвалась слеза. Эта хрустальная капля, трепеща на ресницах, скатилась по щеке и замерла на заостренном подбородке, словно не желая падать.

В какой-то момент А Ци ослабил хватку. Цзюньцзюнь согнул гибкий стан, и его тонкие пальцы заскользили среди обломков разодранных крыльев.

Острый тонкий бамбук вонзился в белые подушечки пальцев, выступая наружу капельками крови. Они упали прямо на сердце бабочки, отчего покалеченное насекомое стало выглядеть еще более пронзительно и жутко, но вместе с тем пугающе прекрасно.

— Бам!

От мощного пинка в спину Цзюньцзюнь рухнул плашмя на землю, и тут же на него обрушился безумный град ударов рук и ног.

Под глухие звуки ударов А Ци исступленно орал:

— Цзюнь Тяньяо, ты всё это время меня обманывал!

Тебе было весело меня дурачить? Испытывал великое достижение, глядя, как я, словно полный дурак, ведусь на твои манипуляции?

Очередной удар пришелся точно в угол рта, и во рту мгновенно заалел вкус крови:

— Ты же всё это время рвался сбежать, верно? Хотел отрастить крылья, как эта бабочка, и удрать от меня, да?!

Следующий удар обрушился на грудь:

— Цзюнь Тяньяо, у тебя нет сердца! Отдавать тебе искренние чувства — вот поистине глупая затея!

Мужчина с размаху наступил сапогом на его стройную ногу:

— Говорю тебе: забудь! Раз я смог сломать твои крылья однажды, то смогу заставить тебя покориться и во второй раз!

Хрусь! Похоже на тот самый звук ломающегося бамбука, но боль от сломанной берцовой кости дошла до сознания лишь сейчас.

— Больно...

Сознание Цзюнь Тяньяо уже затуманилось, глаза застилала пелена слез, но сквозь пелену в самую его душу вонзилось свирепое выражение лица этого бездушного человека.

— Думаешь, ты по-прежнему высокомерный и недостижимый молодой господин Цзюнь Тяньяо? Поверь, теперь ты — пустое место. Ю Роуфэн отбросил тебя, люди из секты демонов презирают тебя, праведные секты открыли на тебя охоту. У тебя не осталось путей к отступлению, совсем не осталось...

Произнося столь жестокие слова, А Ци выглядел до того опустошенным, словно именно он потерял в этой жизни абсолютно всё.

Пальцы Цзюнь Тяньяо разжали смятую бабочку и с трудом поползли по земле, пока не ухватили А Ци за лодыжку:

— Братец А Ци, нет, это не так...

Его хриплый голос походил на предсмертный стон раненой птицы. Но в ответ А Ци лишь на миг замер, а в следующее мгновение безжалостно наступил каблуком на его руку. Десять пальцев связаны с сердцем — разрывающая душу боль окончательно потопила его остатки разума.

Кто же виноват в той жестокости, с которой А Ци обходился с ним в этот миг?

В полумраке сознания ему вдруг показалось, будто они вернулись в то далекое прошлое: в ту ночь, когда в небе бушевали яркие фейерверки, а рядом стояла одинокая, заброшенная фигура.

Окровавленные губы сами собой тронула горькая усмешка.

<http://bllate.org/book/21941/2279435>